Держа в руках фотографию, Чжэн Бинь перевел дыхание и воскликнул:

— Старина Чжао, где тетушка нашла для тебя такую красивую девушку? Она не хуже, чем звезда художественной труппы!

Он знал, что Чжао Нань был из сельской местности, и, хотя у них не было намерения проводить дискриминацию, у нормальных людей сложилось впечатление, что сельские девушки, работающие на ферме, разве не были бы загорелыми и худыми? Для него было немного удивительно увидеть такую светлокожую и нежную девушку.

— Смотри, смотри, — он поднес фотографию к глазам Чжао Наня: — Если все они такие красивые девушки, почему ты отвергаешь их? Чем еще можно быть недовольным?

Чжао Нань взял фотографию и взглянул на нее, затем он прочитал письмо, которое прилагалось к ней.

Письмо было продиктовано Чжан Лиюнь и написано Чжао Цяньцянь. Общая идея заключалась в том, что семья сочла ее хорошей девочкой, и, несмотря ни на что, он должен взять отпуск по семейным обстоятельствам. Они хотели, чтобы он вернулся домой в ближайшем будущем или, по крайней мере, в конце года, чтобы встретиться с девушкой и уладить дело всей своей жизни. В конце письма были написаны резкие слова. Если бы он этого не сделал, Чжан Лиюнь нашла бы командира армии и позволила бы ему позаботиться о своих подчиненных.

Прочитав письмо, Чжао Нань нахмурился. (Примечание: в оригинальном тексте говорится, что он нахмурился со словом “□” между бровями, как выражение -.-lll)

В последний раз, когда он ездил домой навестить родственников, он спас девушку из водохранилища. После того, как Чжан Лиюнь узнала об этом, она намеренно или непреднамеренно попыталась прощупать его. Он думал, что на этот раз его мать не сдастся, и поэтому отправила фотографию девушки, но неожиданно оказалось, что это сестра девушки. Он не знал, что произошло в семье за этот короткий промежуток времени, раз произошли такие перемены.

Он положил фотографию и письмо обратно в конверт. Желтый конверт постепенно закрывал человека на фотографии, словно в замедленной съемке. От слегка приподнятых губ к ямочкам на щеках, затем к глазам, которые, казалось, улыбались, пока все не исчезло.

Чжэн Бинь все это время был рядом с ним, ожидая его ответа, но после того, как Чжао Нань убрал письмо, он взял документ и продолжил чтение.

— Старина Чжао, ты вообще ничего не чувствуешь? Неужели у тебя нет ни малейшего искушения? Не стесняйся, ты можешь поговорить со своим старшим братом. Твой старший брат, я, - человек, который всегда рядом. Видишь ли, я очень опытный! — сказал Чжэн Бинь, похлопывая себя по груди.

— Завершено ли внедрение плана тренировок для третьего батальона? Есть ли у тебя решимость на этот раз участвовать в учениях не последним—через некоторое время Чжао Нань медленно поднял глаза от документов.

Чжэн Бинь задохнулся от этих слов и прикрыл грудь руками, его пальцы дрожали, когда он указал на Чжао Наня. Ему потребовалось некоторое время, чтобы заговорить:

— Старина Чжао! Это уже слишком! Что ты подразумеваешь под решимостью не быть

последним? Может ли быть так, что мой третий батальон всегда находится внизу? Солдаты вашего второго батальона способны, но мы, третий батальон, не слабые! Просто подожди и увидишь, рано или поздно мы превзойдем вас!

Чжао Нань выслушал, отложил документ, который держал в руке, и торжественно посмотрел на него:

— Я ждал и все еще жду.

Чжэн Бинь почувствовал себя еще более обиженным, он сделал два тяжелых шага, обернулся и резко указал на него. Затем сделал еще два тяжелых шага. В конце концов, он ничего не сказал и ушел, схватившись за грудь.

Самые теплые двухмесячные летние каникулы пролетели незаметно, и вот-вот должна была начаться учеба.

Последние два дня Ван Тунхуа думала о стоимости обучения Ду Баочжэнь. После нескольких подсчетов им все еще не хватало нескольких долларов. На данный момент у семьи не было дохода, и она не планировала ни у кого занимать. Она могла только пойти в среднюю школу коммуны, когда начнутся занятия, и попросить учителя о некоторой отсрочке. К счастью, подобные вещи были довольно распространены в сельской местности, и школы были более терпимыми.

Ночью перед началом занятий Ду Баочжэнь ворочалась с боку на бок, так как не могла уснуть. В наши дни средняя школа занимала всего два года, то есть ей предстояло сдавать вступительные экзамены в университет менее чем через год. Она не могла дождаться, представляя город, в который собиралась поехать, университет, в который собиралась поступить, и человека, с которым собиралась встретиться снова. Она была так взволнована, что не могла остановиться.

Она внезапно повернулась боком, лицом к кровати Цзян Жуй, и тихо спросила:

— Сестра, ты спишь?

— Пока нет, — мягко прозвучал голос Цзян Жуй в темноте: — Почему ты еще не спишь? Тебе завтра рано вставать.

— Я знаю, но я просто не могу уснуть, сестра, поговори со мной.

В темноте послышался шорох, Цзян Жуй тоже повернулась и легла на бок, подперев голову рукой: — О чем ты хочешь поговорить?

— Давай поговорим о ... будущем! Сестра, ты когда-нибудь задумывалась о том, каким будет будущее?

— Будущее ... — Цзян Жуй открыла глаза и посмотрела в темноту. Если бы настоящая Ду Баоцинь была все еще жива, какой она была бы в будущем? Возможно, она вышла бы замуж за кого-то, кто не слишком хорош, но и не слишком плох, родила бы двоих детей, которые не были бы ни умными, ни глупыми, прожила бы жизнь небогато, но и не бедно, и состарилась бы вот так, заурядно, полная детей и внуков.

Но Ду Баоцинь здесь больше не было.

Она слегка покачала головой: — Понятия не имею.

Ду Баочжэнь рассмеялась и взволнованно сказала: — Я думала об этом, я хочу поступить в университет, остаться в большом городе и быть с человеком, который мне нравится!

Цзян Жуй кивнула: — Это хорошо, тебе нужно много работать.

— Я так и сделаю! — Ду Баочжэнь весело согласилась: — Сестра, в будущем подожди, пока я найду работу в городе, тогда я привезу тебя повеселиться! Я слышала, что город намного больше округа Янъань, на дороге могут ездить четыре машины одновременно, и есть здания в десятки этажей!

Цзян Жуй не спросила, от кого она это услышала, она просто улыбнулась и тихо сказала:

— Тогда я подожду тебя.

— Договорились! — счастливо ответила Ду Баочжэнь, как будто эта сцена уже произошла.

В первую ночь она проспала полночи, а на следующий день ей пришлось рано встать, чтобы пойти в школу. Чтобы иметь больше времени для проверки домашнего задания, она подала заявление на проживание в этом семестре и ездила домой только по выходным.

Многие ее книги и одежду вынесли из комнаты. Она стала намного более пустой и также выглядела немного неряшливой. После того, как Цзян Жуй закончила работу по дому, она прибралась в доме, и из ящика стола было извлечено письмо. На конверте было написано имя: Хань Венке.

Этот человек глубоко запечатлелся в памяти Ду Баоцинь, уступая только ее семье.

Хань Венке был образованным юношей, приехавшим из большого города, и он отличался от молодежи коммуны. Он был бледным и худощавым, культурным и утонченным, всегда опрятно одетым. Он носил очки в тонкой оправе, у него был красивый почерк, умел играть на губной гармошке и даже петь русские песни.

Можно сказать, что в то время он был популярен во всей коммуне Чаоян, и по крайней мере половина девушек из коммуны влюбилась в него, включая двух дочерей семьи Ду.

Ду Баоцинь никому не позволяла обнаружить свою любовь к Хань Вэньке, и когда она бросила учебу, она знала, что этот человек уже стал недостижимым желанием. В прошлом году, когда Хан Венке поступил в университет и вернулся обратно в город, она полностью похоронила это прошлое в своем сердце.

Ду Баочжэнь также нравился Хань Ваньке, и она дала ясно понять Ду Баоцинь, что пытается поступить в университет из-за него. Она наблюдала, как ее младшая сестра вступила на путь, который не смогла закончить в начале, становясь все ближе и ближе к этому человеку в конце пути.

И она навсегда останется там, где она есть.

Цзян Жуй не убирала письмо, она просто вытерла ящик и положила письмо на место.